

ВЫСШИЕ КУРСЫ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ: У ИСТОКОВ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. А. Шилов

Длительный исторический период развития библиотек не ставил вопроса о профессиональной подготовке их персонала. Малочисленные, преимущественно частные, библиотеки, обладавшие сравнительно небольшими собраниями и обслуживавшие узкий круг читателей, возглавлялись образованными учеными людьми своего времени. Но по мере роста книгоиздания, числа библиотек, их фондов и читателей становилась все более очевидной необходимость специальной профессиональной подготовки работников библиотек. Соответствующие учебные заведения в XIX в. появляются в США, а затем и в Европе.

Необходимость специальной подготовки библиотечных работников стала осознаваться и в России, хотя еще долгое время господствовало мнение, что приобретение профессиональных знаний и навыков — дело чисто практической работы образованного человека в библиотеке. Особенно остро необходимость специальной подготовки ощущалась в научных библиотеках. На состоявшемся в Петербурге 1—7 июля 1911 г. Первом всероссийском съезде по библиотечному делу с докладом «Библиотечное дело как самостоятельная специальность и библиотекари как обособленная группа в ряду других специалистов» выступил заведующий библиотекой Военно-медицинской академии А. Р. Войнич-Сякоженцкий. В резолюции съезда признавалось «необходимым учреждение специальных высших курсов библиотековедения для теоретической и практической подготовки библиотекарей и их помощников, для лиц с высшим и средним образованием»¹. А в октябре Общество библиотековедения образовало специальную комиссию по организации курсов (Е. Н. Добржинский, Н. А. Королев, Л. Б. Хавкина, В. И. Чарнолуцкий)². Однако практического воплощения это решение не получило, но сама идея организации курсов продолжала жить.

Первые в России библиотечные курсы открылись весной 1913 г. в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского, который, будучи частным учебным заведением, имел право устройства курсов без разрешения правительственных органов. Сюда посту пали слушатели из Москвы и других городов, представлявшие разные типы библиотек, от народных до научных³.

На собрании Общества библиотековедения 12 декабря 1916 г. обсуждался доклад о библиотечных курсах университета Шанявского, и было сообщено, что председателем Общества Ф. Г. Беренштамом вновь поставлен вопрос об устройстве Обществом в Петрограде библиотечных курсов. При обсуждении высказывались различные точки зрения. К. Н. Дерунов считал, что для курсов нет необходимых подготовленных преподавателей, П. М. Богданов и В. И. Чарнолуцкий полагали, что с началом работы курсов «найдется кружок подходящих, добросовестных и знающих людей... Лекторы сами учатся в своей работе. И как раз при наличности школы необходимый кадр работников через 1—2 года выработается»⁴.

С конца 1917 по апрель 1918 г. состоялось более 10 совещаний в Обществе по организации курсов. К весне 1918 г. П. М. Богданов подготовил программу краткосрочных курсов и наметил круг преподавателей. Но после отъезда его в Москву организацию курсов поручили заведующему библиотекой Института инженеров путей сообщения Б. П. Гущину. Весной 1918 г. Общество обратилось в Комиссариат просвещения Союза коммун Северной области с ходатайством о финансовой поддержке в проведении курсов, оно поступило к работавшему в это время в Комиссариате О. Э. Вольценбургу. Обществу было отпущено 5000 р., а сам Вольценбург первым записался на курсы.

Курсы, которым было присвоено имя известного просветителя Н. И. Новикова, состоялись с 9 июня по 15 августа 1918 г. Они проходили по вечерам в помещении Института инженеров путей сообщения, число слушателей составило 85 человек, хотя заявлений о приеме было гораздо больше. К преподаванию привлекались А. Р. Войнич-Сякоженцкий, Я. П. Гребенщиков, Б. П. Гушин, Е. Н. Добржинский, Н. А. Королев, Я. А. Лукашевич, для чтения лекций по комплектованию была

приглашена А. В. Мезьер, подготовившая их текст, который читал Гущин. Преподаватели обязывались присутствовать на всех занятиях других преподавателей — «все были новички, необходимо было учиться у товарищей»⁵.

Курсы получили высокую оценку слушателей, поступали многочисленные просьбы провести новые курсы, однако «на повторение курсов не хватало сил» у преподавателей⁶. Руководители Общества библиотековедения и преподаватели Новиковских курсов отдавали себе отчет в том, что программа этих курсов была слишком сжатой, питали надежду создать постоянные курсы с широкой и цельной программой, рассчитанной на подготовку библиотекарей научных библиотек. Но Общество не располагало необходимыми для этого средствами.

Между тем созданный в середине 1918 г. при библиотечном отделе Наркомпроса в Петрограде Центральный комитет государственных библиотек, включивший авторитетных в библиотечном мире людей и преследовавший цель обеспечить взаимодействие научных и крупных государственных библиотек, с самого начала намечал организацию библиотечных курсов как важное средство объединения деятельности библиотек⁷. И в этом вопросе стремления Общества и Комитета совпадали.

На втором заседании первой сессии Центрального комитета государственных библиотек 12 августа 1918 г. по докладу А. И. Браудо о постоянных курсах библиотечного дела было решено предложить Обществу библиотековедения субсидию на устройство курсов⁸. От Общества последовало ходатайство о выделении средств на оборудование помещения для курсов, полученного с помощью Комитета в реквизируемой квартире на Васильевском острове. В отчете Комитета за 1918 г. подчеркивалось, что Общество библиотековедения располагает достаточными силами, чтобы «оборудовать курсы и поставить преподавание на должную высоту»⁹.

В мае 1919 г. Центральный комитет государственных библиотек принял курсы на свое финансирование, утвердил смету и наметил открыть их в середине мая. Одновременно подготовка и открытие курсов обсуждались на собраниях Общества совместно с будущими преподавателями: образовательный ценз принимаемых, контингент приема и т. д. В частности, предлагалось принимать на курсы всех желающих посвятить себя работе в научных библиотеках, установить контингент в 100 человек, экзаменов не проводить, по окончании курсов выдавать документ о прослушанных курсах и выполненных практических занятиях. В этот период роль Комитета в организации деятельности курсов усиливалась, она уже не сводилась лишь к финансированию. Избранный советом курсов директором А. Р. Войнич-Сякоженцкий 15 мая 1919 г. был утвержден в этой должности приказом Центрального комитета государственных библиотек. Всю организационную работу по открытию курсов возглавлял руководитель научно-статистической секции Комитета А. И. Браудо. О роли Браудо юрист, историк права, библиотековед Е. А. Лаппа-Старженецкая писала в 1925 г.: «Программа этих курсов, привлечение административного и преподавательского состава, оборудование вновь рождающегося учреждения, все это прошло через Александра Исаевича... Без Браудо осуществление этого долгожданного дела не могло бы иметь места»¹⁰.

Библиотечные курсы начали свою деятельность 24 мая 1919 г. Но уже с начала ноября часть занятий переносится в помещения Публичной библиотеки из-за неблагоприятных условий в здании на Васильевском острове, а затем постепенно сюда перемещаются некоторые практические занятия, что позволяло использовать в процессе обучения каталоги, формуляры и другие предметы библиотечной техники. И уже в начале 1921 г. курсы из помещения на Васильевском острове полностью переместились в главное здание Библиотеки.

17 февраля 1920 г. на заседании Комитета, в котором участвовали также С. А. Венгеров, Е. А. Лаппа-Старженецкая, А. И. Малеин, Н. Т. Цветков, было принято «Положение об управлении Библиотечными курсами, организованными Центральным комитетом государственных библиотек при участии Общества библиотековедения», в котором последовательно проводилась линия на руководящую роль Комитета в управлении курсами. Управление курсами возлагалось на совет и директора, при этом общее руководство учебной частью принадлежало совету, председатель которого избирался Обществом библиотековедения и утверждался Центральным комитетом государственных библиотек. Состав совета включал директора, всех преподавателей и представителей слушателей по два человека от каждого семестра. В его функции входило установление общего плана преподавания, приглашение преподавателей и их освобождение, определение условий приема, выдача свидетельств об

окончании курсов. На директора возлагалось непосредственное заведование учебными, административными и хозяйственными делами, наблюдение за ходом учебных занятий, за соблюдением слушателями установленных правил, за расходованием средств. Директор избирался Комитетом «из лиц, приобретших известность своими работами по специальности курсов»¹¹. 20 февраля 1920 г. директором курсов был избран В. Э. Банк, много лет затем возглавлявший их.

Во второй половине 1920 г. Центральный комитет государственных библиотек был упразднен, и Библиотечные курсы перешли в ведение Петроградского отделения Главнауки Наркомпроса. Курсы в это время стали двухгодичными и были переименованы в Высшие курсы библиотековедения. В удостоверении, выданном в марте 1921 г. подотделом научных учреждений и высших учебных заведений Петроградского отделения Академцентра, указывалось, что «Курсы библиотековедения имеют своей задачей подготовку учебного персонала государственных и академических библиотек, и программа этих курсов рассчитана на контингент слушателей, прошедших уже курс высшей школы, и ввиду этого означенные курсы должны быть причислены к разряду высших учебных заведений»¹².

Предложение Петроградского отделения Академцентра о преобразовании Высших курсов библиотековедения в высшее учебное заведение обсуждалось в апреле—мае 1921 г. на трех заседаниях совета Курсов. Одновременно рассматривался и проект устава Высшего института библиотековедения, в который должны были быть реформированы Курсы. Согласно проекту институт учреждался «в целях развития профессиональных знаний в области библиотечного дела и книговедения и для подготовки кадра ученых специалистов-сотрудников государственных и академических библиотек, а также специальных научных разысканий в соответствующих отраслях знания»¹³. Продолжительность обучения определялась в два года, предусматривались 7 профессорских кафедр по библиотековедению, библиографии и книговедению.

Это положение не было утверждено, а в перечни вузов, утверждаемых правительством, Высшие курсы библиотековедения, равно как и курсы Института библиотековедения Библиотеки Государственного Румянцевского музея, не включались. Это создавало неопределенность статуса как самих Курсов, так и их выпускников, образовательный ценз которых не обладал определенностью. Кстати, вопрос о преобразовании Курсов в институт, сочетающий учебные и научные функции, возникал и раньше. Уже вскоре после начала работы Курсов группа слушателей внесла в совет предложение об организации на базе Курсов Института библиотековедения как учено-учебного заведения. При обсуждении этого предложения на совете 12 июня 1919 г. выявились различные точки зрения. В. М. Андерсон полагал, что Курсы должны быть учреждением только учебного характера; Ф. Г. Беренштам, Б. П. Гуцин, Я. А. Лукашевич считали, что в данный момент рано ставить такой вопрос, хотя в принципе подобное учреждение необходимо; А. Р. Войнич-Сякоженцкий поддерживал предложение слушателей. Для детальной разработки вопроса была учреждена специальная комиссия, но дальше этого дело не пошло¹⁴.

Тем не менее дирекцией и преподавателями Курсов, а также руководством Публичной библиотеки и руководящими органами Высшие курсы библиотековедения рассматривались как своеобразное научное учреждение. Так, Петроградское отделение Академцентра Наркомпроса, считая ненормальным отсутствие единства у научных библиотек в правилах каталогизации, предложило совету заняться этим вопросом. В 1922 г. инструкция «Основные положения для составления алфавитного каталога» была подготовлена; многие положения ее были буквально воспроизведены без указания источника в работе О. Э. Вольценбурга «Опыт публикации для составления библиотечного алфавитного каталога» (Л., 1925), что вызвало протест совета и решение переиздать выполненную в свое время работу¹⁵. Такая работа— «Основные положения для составления алфавитного каталога» — была издана Курсами в 1925 г. со вступительной статьей Б. П. Гуцина, где указывалось, что О. Э. Вольценбургом воспроизведены положения, разработанные комиссией Курсов в составе В. Э. Банка, Я. П. Гребенщикова, Б. П. Гуцина, Е. Н. Добржинского, Я. А. Лукашевича, А. Г. Фомина и В. Г. Геймана в июле 1922 г.

В начале 1923 г. в связи с реорганизацией органов Наркомпроса в Петрограде Высшие курсы библиотековедения были переданы в непосредственное ведение Российской Публичной библиотеки¹⁶. И после включения Курсов в состав Библиотеки они испытывали многочисленные трудности, связанные, прежде всего, с недостаточной определенностью их статуса в системе учебных заведений. 2 октября 1924 г. на заседании совета В. Э. Банк сообщил, что Курсы пережили тревожные дни, когда в

Ленинградском отделении Главнауки встал вопрос «о полном прекращении деятельности» Курсов и что только при энергичной поддержке нового директора Библиотеки академика Н. Я. Марра удалось их отстоять. Роль Марра в деятельности Курсов в этот период была во многом определяющей, неслучайно в своих воспоминаниях о Марре В. Г. Гейман писал, что Марр «обратил сугубое внимание на Курсы библиотековедения — кузницу молодых библиотечных кадров»¹⁷.

3 декабря 1924 г. Ленинградский отдел профессионально-технического образования сообщил дирекции Высших курсов библиотековедения, что последние включены в сеть профессиональных учебных заведений, подведомственных Ленпрофобру¹⁸. Это означало, что Курсы рассматривались как среднее профессиональное учебное заведение, поскольку все вузы входили в ведение Главпрофобра Наркомпроса. В январе 1926 г. Ленпрофобр предложил представить проект «Положения о Высших курсах библиотековедения», «согласованный с уставом Публичной библиотеки и Положением о техникумах»¹⁹. 16 марта Ленпрофобр утвердил «Положение», согласно которому Курсы при Публичной библиотеке «имеют целью: а) подготовку кадров специалистов — сотрудников научных библиотек, а также б) развитие профессиональных знаний в области библиотековедения и книговедения и в) специальные научные изыскания в соответствующих областях знания». Устанавливалось, что учебные планы и программы, разработанные предметными комиссиями и советом Курсов, утверждаются Ленпрофобром. Курсы оказывались в двойном подчинении: «будучи одним из вспомогательных учреждений Публичной библиотеки, они, как учебное заведение профессионального характера, находятся в ведении Ленпрофобра»²⁰. Это Положение было в 1928 г. утверждено и Главпрофобром Наркомпроса с внесением незначительных изменений (утверждение учебных планов Главпрофобром, а не Ленпрофобром, уточнение представительства в совете Курсов и пр.)²¹.

Характерно, что «Положение» о Высших курсах библиотековедения, приравнивая их к системе профессионального образования к техникумам, подчеркивало и научные функции Курсов. Руководство Библиотеки рассматривало эту функцию важной задачей Высших курсов. Еще в 1925 г. на заседании Библиотечной комиссии Научно-политической секции Государственного ученого совета СССР заместитель директора Публичной библиотеки Ин. И. Яковкин указывал, что Курсы «ограничивают свою деятельность чисто учебной работой, но, конечно, на очереди стоит вопрос о выделении на первый план научно-исследовательских заданий»²². Некоторое время руководители Библиотеки считали возможным превратить Высшие курсы в базу всей исследовательской и издательской деятельности Библиотеки. А в январе 1927 г., на заседании Библиотечной комиссии Главнауки, в состав которой к этому времени перешла комиссия из Государственного ученого совета, при параллельном обсуждении проектов уставов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде было решено включить в устав Публичной библиотеки следующий пункт: при Публичной библиотеке состоят Высшие курсы библиотековедения, «которые, имея своей основной задачей подготовку научного и квалифицированного технического персонала для государственных книгохранилищ и научных библиотек и, являясь в то же время библиотечным вузом, одновременно ведут научно-исследовательскую работу в области общего и прикладного библиотековедения, библиографии и библиологии»²³.

Что касается издательской деятельности Курсов, то почти все члены редколлегии периодического органа Публичной библиотеки «Библиотечное обозрение», издававшегося в 1925 г., являлись преподавателями Высших курсов (В. Э. Банк, Б. П. Гушин, Е. Н. Добржинский, Е. А. Лаппа-Старженецкая. Содержание первого и второго выпусков, издававшихся Библиотекой «Материалов по вопросам библиотековедения» (1924) составляли работы преподавателей Курсов: Б. П. Гушина «Обзор главнейших систем классификации», Е. Н. Добржинского «Десятичная классификация», а выпуска 1926 г. — работа Е. А. Лаппа-Старженецкой «Государственные библиотеки на Западе». В 1926 г. Курсы выпустили расширенную программу А. Г. Фомина «Библиография», в 1927 г. — первый выпуск работы Б. П. Гушина «Основы классификации, изложенные для библиотекарей», в 1931 г. — книгу А. Г. Фомина «Книговедение как наука. История и современное состояние». В целом к концу 1920-х гг. издательская деятельность, как и вообще научная работа Высших курсов библиотековедения, замирает, что объясняется как слабостью финансовых возможностей Курсов, так и изменениями персонального состава преподавателей, выбытием по разным причинам многих крупных специалистов и заменой их менее опытными молодыми кадрами.

Подтверждением того, что Курсы рассматривались как база научной работы, является и первая попытка Публичной библиотеки организовать на их основе аспирантуру для подготовки научных кадров для научных Библиотек. Новая система подготовки научных кадров начала складываться в стране в 1925 г., когда было решено ввести в вузах аспирантуру. И в том же году Правление Библиотеки рассматривало возможность учреждения на Высших курсах нескольких аспирантских мест для подготовки «работников-марксистов»²⁴. Но Курсы не являлись вузом, и организовать аспирантуру при них не удалось. Тем не менее, учитывая нехватку научно подготовленных специалистов по каталогизации, руководство Публичной библиотеки решило открыть одно аспирантское место на Курсах для подготовки каталогизаторов, и таковым был зачислен выпускник Курсов, заведующий библиотекой Коммунистического университета национальных меньшинств Запада Б. Р. Зельцле на срок с 1 мая по 15 сентября с оплатой из средств Библиотеки с заданием углубленного изучения вопросов алфавитной каталогизации «преимущественно по иностранной библиотековедческой литературе»²⁵. По окончании он был принят в штат Публичной библиотеки, в которой впоследствии заведовал Отделом каталогизации, был заместителем директора Библиотеки. Отвечая на последовавшие затем вопросы о существовании аспирантуры на Курсах В. Э. Банк указывал: «С аспирантурой и аспирантом Зельцле произошло недоразумение. Аспиранта при Высших курсах библиотековедения как такового нет, но было персональное задание от Государственной публичной библиотеки выбрать определенное лицо для подготовки к определенной работе»²⁶. И в отчете Курсов за 1927/28 учебный год указывалось, что аспирантуры на Курсах пока нет, Курсы этого права получить не могут, но «у нас был аспирант (неофициальный) от Публичной библиотеки»²⁷. Все дальнейшие попытки получить право на подготовку аспирантов на Высших курсах оказались безуспешными. И лишь после учреждения аспирантуры в научных институтах в 1935 г. была организована аспирантура, но не на Высших курсах библиотековедения, а непосредственно в Публичной библиотеке.

В деятельности Курсов в 1920-е гг. происходили заметные изменения в организационной части. По мере укрепления в стране принципа единоначалия, роль директора Курсов все более возрастала. Эту должность более 10 лет занимал В. Э. Банк, немало сделавший для их становления и развития. Он был освобожден от должности в 1932 г. по надуманным обвинениям в допущенных идеологических ошибках, его сменила доцент Финансово-экономического и Автодорожного институтов А. М. Волкова. После ее освобождения в 1935 г. от поста директора вследствие исключения из партии «за принадлежность к троцкистскозиновьевской оппозиции» директором Высших курсов библиотековедения короткие сроки были Н. П. Пospelов, К. С. Жарновецкий, П. Г. Заостровцев.

С возрастанием роли директора снижалось значение совета Курсов, которому, согласно «Положению об управлении Библиотечными курсами» 1920 г., принадлежала ведущая роль в руководстве учеными делами Курсов. Первоначально в состав совета входили все преподаватели и по одному представителю от Общества библиотековедения и слушателей каждого семестра: в октябре 1923 г. по предложению В. Э. Банка было установлено, что в совет входят директор, ученый секретарь, преподаватели обязательных библиотечных дисциплин, читаемых в течение всего учебного года, и представители слушать лей²⁸. В октябре 1925 г. при директоре создается правление Курсов в составе директора и по одному представителю от Публичной библиотеки и слушателей. Делами Курсов ежедневно занимался директор, принципиальные вопросы деятельности Курсов, организации учебного процесса, привлечения преподавателей и т. д. решало правление. Учреждение правления еще более уменьшило значение совета. 27 ноября 1928 г. В. Э. Банк на заседании совета подчеркнул, что совет — «установление не эластичное», в 1927/28 гг. собирался только один раз²⁹. И вскоре на смену совету приходит Педагогический совет, собиравшийся более или менее регулярно и обсуждавший вопросы учебной жизни. Более конкретно вопросами преподавания занимались предметные комиссии. В вузах страны к середине 1920-х гг. преподавание близких дисциплин, до этого составлявших кафедру, стало вытесняться понятием «предметная комиссия», по составу дисциплин более широким. На Высших курсах библиотековедения, где также в обиходе нередко использовалось понятие «кафедра», в 1925 г. было решено образовать предметные комиссии. По докладу А. Г. Фомина 9 декабря 1925 г. совет Курсов решил «создать в первую очередь предметную комиссию по книговедению», включив в нее преподавателей В. Э. Банка, А. И. Малеина, Л. К. Ильинского, П. К. Симиона, С. А. Щеглову, Л. В. Булгакову и представителей от слушателей³⁰. Уже 30 декабря комиссия рассматривала программы

курсов истории книги, библиографии, истории журналистики. 12 декабря 1926 г. правление Курсов, одоблив работу этой комиссии и отметив «несомненную пользу ее организации как в разработке методов преподавания, так и в создании необходимых связей между курсами», решило организовать предметные комиссии по библиотековедению и обществоведению³¹. Затем была организована и предметная комиссия по иностранным языкам.

Предметные комиссии работали активно. В 1926/27 учебном году комиссия по библиотековедению (15 преподавателей, 5 слушателей) провела три заседания, где обсуждались отчеты преподавателей, утверждались программы отдельных курсов. Комиссия по книговедению (12 преподавателей, 4 слушателя) провела три заседания, на которых решала вопросы о сокращении объема некоторых курсов, организации семинаров по инкунабулам и палеографии и т. п. Одно заседание провела комиссия по обществоведению (8 членов) и три — комиссия по иностранным языкам (8 членов)³².

В последующие годы отмечается снижение активности предметных комиссий. Уже в отчете за 1928/29 учебный год подчеркивается, что работу предметных комиссий «нельзя считать вполне удовлетворительной», а отчет за следующий год их работу считал «слабым местом» в деятельности Курсов³³. В 1930-е гг. комиссии подвергались реорганизации, но в основе их продолжало оставаться объединение преподавания родственных дисциплин.

Представительство слушателей в различных органах Высших курсов библиотековедения характерно для всех этапов существования Курсов. Численность слушателей и их состав с годами менялись, но неизменной оставалась позиция руководства Курсов, направленная на привлечение слушателей к организации учебной жизни, стремившегося учитывать мнение коллектива учащихся, большая часть которых обладала немалым опытом библиотечной работы.

Что касается слушателей, то совет Курсов в период их организации высказывался за прием всех, желающих посвятить себя работе в научных библиотеках, независимо от их образовательного ценза. Но постепенно стали вырабатываться правила приема с учетом утверждаемых Наркомпросом правил приема в вузы. Одним из главных условий приема становилось наличие высшего образования и библиотечного стажа, хотя к середине 1920-х гг. определенную роль играло и социальное положение. Но даже и в 1924 г. в тезисах Е. Н. Добржинского, представленных на Первую конференцию научных библиотек, подчеркивалось, что нормальным требованием для поступления на Высшие курсы библиотековедения является наличие законченного высшего образования³⁴.

Количество желающих поступить на Курсы в первые годы было весьма значительным и превышало материальные возможности Курсов (помещения и т. п.). Так, в 1923 г. было подано 250 заявлений, и совет установил контингент приема в 125 человек, что также превышало реальные возможности Курсов. Поэтому в последующие три года прием сокращался и составлял 70—80 человек, а в 1935 г. из 70 подавших заявления было принято 55 человек; в 1936 и 1937 гг. в связи с наметившимся открытием в Ленинграде библиотечного института обычного приема по предложению Наркомпроса не проводилось.

Осенью 1924 г. все поступающие были распределены на три группы: 1) лица с законченным высшим образованием, обладавшие библиотечным стажем, хотя бы и в небольших научных и крупных общественных библиотеках, не менее 1 года; 2) лица с высшим образованием, но без стажа и лица со средним образованием со стажем в небольших библиотеках; 3) лица со средним образованием без библиотечного стажа. Фактически прием ограничился поступающими первой группы и несколькими лицами из второй группы, а из представителей третьей группы никто не оказался зачисленным³⁵. В 1924 г. совет счел необходимым выработать «Правила приема» на Высшие курсы библиотековедения, при этом было решено дополнить действовавшие ранее условия приема установлением возрастных ограничений (от 18 до 30 лет), достаточного библиотечного стажа (не менее одного года в научных и крупных массовых библиотеках), справки о состоянии здоровья, «необходимого, как минимум, для принятия на Курсы и для будущей библиотечной работы»³⁶. С 1925 г. начала работать и особая «приемочная» комиссия, включавшая представителей партийных и профсоюзных органов и библиотек (по одному представителю от Публичной библиотеки и от массовых библиотек). В 1925 г. приемная комиссия выработала четыре фактора, благоприятствующие при зачислении: 1) пролетарское происхождение, 2) общественный стаж (партийность), 3) библиотечный стаж, 4) высшее образование³⁷. Учет этих факторов производился и в последующие годы, при этом с 1928 г. предусматривалось принимать в первую очередь не только лиц, имевших высшее образование, но и обучавшихся в вузах.

Если в первые годы зачисление производилось по результатам собеседования, то затем поступающие обязаны были сдавать вступительные испытания. Образовательный ценз устанавливался в объеме средней школы, состав же дисциплин, по которым проводились испытания, несколько менялся. Испытания проводились по обществоведению, русскому языку и литературе в объеме, установленном при приеме в вузы. Особо стоял вопрос об испытаниях по иностранному языку. В первые годы они не производились, поскольку предполагалось знание поступающими двух западноевропейских языков (немецкого и французского). Но на заседании приемной комиссии в сентябре 1925 г. В. Э. Банк говорил, что если до сего времени на Курсы без знания двух иностранных языков слушатели вовсе не принимались, то теперь, однако, «считались с тем обстоятельством, что в школе II ступени... обязателен лишь один язык, приходится делать исключения и в отдельных случаях принимать слушателей со знанием лишь одного языка, усилив преподавание языков на самих Курсах»³⁸.

Для «улучшения» социального состава слушателей с начала 1930-х гг. 50 % мест приема распределялись между партийными, комсомольскими и профсоюзными органами, однако такая разверстка ожидаемых результатов не дала. На одном из заседаний директор Курсов А. М. Волкова сообщала, что, распределив места приема между райкомами комсомола, ожидали прихода на Курсы комсомольцев, но «ни одного комсомольца из райкома не пришло»³⁹. Практиковалось также распределение мест приема между библиотеками и научными учреждениями, и в 1935 г. от каждого поступающего требовались направление и характеристика с места работы, причем в правилах приема на 1935/36 учебный год указывалось, что «имеющие командировки библиотечных учреждений... пользуются преимуществом» при приеме.

Слушатели Высших курсов библиотековедения, как работавшие, так и безработные обязаны были вносить плату за обучение, которая составляла существенную часть бюджета Курсов, складывавшегося из субсидий Публичной библиотеки и платы за учение. Соотношение этих источников менялось. В 1924/25 учебном году от Библиотеки было получено 1140 р., за счет оплаты поступило 1224 р. При этом на заседании правления Курсов высказывалось пожелание: «Для нормального функционирования Курсов желательно..., по возможности, нести полную самокупаемость путем... повышения платы за учение», что, по мнению некоторых, не осуществимо «ввиду чрезвычайной малоимущности состава учащихся»⁴¹. Естественно, достичь этого не удалось, и доля субсидий Библиотеки постоянно увеличивалась, превысив к середине 1929 г. поступления от платы за обучение на 80 %, при том, что администрация Курсов стремилась увеличить поступления, в частности, путем уменьшения числа слушателей, освобождаемых от платы за обучение на 10 %⁴².

Условия приема на Курсы в 1930 г. устанавливали: «Немедленно по зачислении комиссия по платности определяет список лиц, обязанных вносить плату за обучение и размер платы». Плата за обучение устанавливалась в размере от 30 до 70 р. в год⁴³. К этому времени количество освобождаемых от платы составляло до 20 % слушателей. Комиссия по платности определяла размер платы и перечень лиц, освобождаемых от нее. При этом слушатели распределялись на категории с учетом социального положения, заработной платы слушателя, материального положения семьи и т. д.

В 1930/31 учебном году сочли возможным отказаться от взимания платы за обучение, но уже вскоре она была восстановлена. А в 1930-е гг., когда получила развитие разверстка приема между учреждениями, командирующие организации обязывались вносить плату за обучение своих сотрудников. Этот порядок действовал и на одногодичных курсах повышения квалификации, организованных Высшими курсами библиотековедения в 1931/32 учебном году.

Слушатели Курсов не получали стипендий. Лишь в 1928/29 учебном году предпринимается попытка установить небольшое количество стипендий. Сообщалось, что «в целях подготовки кадров сотрудников научных библиотек марксистски подготовленными работниками» Правление Библиотеки устанавливает на Курсах 15 стипендий⁴⁴. Тогда же Библиотека обратилась в обком партии с просьбой помочь в подборе членов партии на Курсы с обеспечением их этими стипендиями⁴⁵. Но эти обращения ожидаемых результатов не принесли, и осенью 1928 г. стипендии были назначены лишь 5 слушателям 1-го курса. Состав слушателей Курсов с годами существенно изменился как в количественном, так и в качественном отношении. Помимо сокращения норм приема, численность слушателей сокращалась и в течение учебного года. Немало зачисленных на Курсы вовсе не приступало к занятиям, многие отсеивались в течение учебного года в связи с материальным положением, трудностью совмещения со

службой обучения в вечерние часы, непопулярностью библиотечной профессии. Кроме того, значительная прослойка слушателей, работавших в библиотеках и имевших высшее образование, поступала на Высшие курсы библиотековедения с целью углубить свои знания в определенных областях библиотечного дела и потому не стремилась завершить свое образование на Курсах. Многие слушатели отчислялись за неуспеваемость и пропуски занятий. Так, к концу 1926/27 учебного года из выпуска 1924 г. не сдали 1—2 зачета 5 человек. В отчете за 1932 г. отмечалось, что отсев доходит до 50 % и он продолжал расти: из принятых на Курсы в 1935 г. к концу срока обучения выбыло 33 человека, что составляло 60 %⁴⁷. Все это послужило одной из причин замены Высших курсов системой краткосрочных курсов, а затем и ликвидации Высших курсов библиотековедения.

В 1919 г. на Курсы записалось 168 человек, что превышало их материальные возможности, поэтому в последующие годы прием стал сокращаться. В 1925/26 учебном году общее количество учащихся составило 135 человек, к концу 1926/27 учебного года — 120 человек. Остававшееся в этих пределах в течение нескольких лет число слушателей с 1932 г. сокращалось, ограничиваясь 60—80 человеками, не считая слушателей краткосрочных курсов⁴⁸.

В первое десятилетие существования Курсов число слушателей с высшим образованием было достаточно высоким. Даже в 1929 г. среди учащихся 1-го курса 33 % имели высшее образование, а на 2-м курсе 21 %⁴⁹. Но уже с начала 1930-х гг. положение изменяется, и в 1934 г. только 12 % слушателей имели высшее образование. В 1938 г. слушателей с высшим образованием на Курсах уже не было. Близкая по характеру тенденция была присуща и библиотечному стажу слушателей: число слушателей, имевших стаж библиотечной работы, сокращалось. Если среди слушателей приема 1924 г. не имели стажа 37 %, то в приеме 1926 г. — уже 50 %⁵⁰. При этом уменьшалось количество работавших в научных библиотеках, а число учащихся, вообще нигде не работавших, достигло половины всего состава слушателей.

Наибольшую прослойку среди слушателей Курсов, составляли лица в возрасте от 25 до 30 лет. Хотя правилами приема возраст ограничивался 20—30 годами, среди слушателей всегда были лица и младше, и старше этого возраста. Так, на 1 января 1926 г. из 138 учащихся 23 человека имели возраст до 20 лет, старше 30 лет были 45 человек, на 1 октября 1929 г. соответственно 3 и 52 человека⁵².

Что касается социального состава слушателей, то подавляющую часть их составляли служащие и дети служащих. Рабочие и их дети не стремились стать библиотекарями, предпочитая другие специальности, прежде всего технику, из выпуска 1925 г. — 8 человек, а из выпуска 1927 г. все зачеты сдали лишь 5 человек из 48 выпускников⁴⁶. В 1928/29 учебном году продолжили обучение не более 65—70 % из принятых в свое время. Не давали ожидаемого эффекта и попытки усиления партийно-комсомольской прослойки. На 1 января 1926 г. в числе слушателей был 1 член ВКП(б) и 4 члена ВЛКСМ, на 1 октября 1929 г. соответственно 5 и 8 человек, а в 1928 г. — 12 и 25 соответственно⁵³. Увеличение этой прослойки в 1930-х гг. отчасти явилось следствием разверстки мест приема среди различных учреждений.

Коллектив учащихся Высших курсов библиотековедения отличался от студенческих коллективов вузов прежде всего тем, что большая часть слушателей, занимаясь на Курсах в вечернее время, состояла на службе в библиотеках и других учреждениях, являясь членами соответствующих трудовых коллективов. Тем не менее и администрация, и сами слушатели стремились оживить общественную жизнь на Курсах, придать ей организационные формы. В эти годы видную роль в деятельности вузовских коллективов играли профсоюзные организации. Студенты, состоявшие до поступления в вуз членами тех или иных профсоюзов, объединялись в профсоюзные ячейки, избиравшие Исполнительное бюро профсекций (Исполбюро), признававшееся официальным представителем всех студентов вуза, в том числе и не состоявших в профсоюзах. В 1924 г. такое Исполбюро как представитель всех слушателей было организовано и на Высших курсах библиотековедения. Оно наметило широкие планы, создавались различные кружки, начался выпуск стенгазеты «Наш путь», подыскивались места постоянной и временной работы для слушателей и т. д. Далеко не все удавалось осуществить, но оживление общественной жизни наметилось. Одним из главных проявлений этого стала организация Бюро связи выпускников, избранное на их общем собрании 4 июля 1929 г., включавшее по одному представителю от каждого выпуска. Председателем Бюро несколько лет избиралась М. Э. Орловская, товарищем председателя Т. А. Быкова, представителями выпусков разных лет А. И. Доватур, М. К.

Зиновьева, А. Н. Никифорова, М. А. Садова и др. Тогда же было принято положение о Бюро и план его работы⁵⁴.

В первый период главным направлением деятельности Бюро стало оказание помощи в подыскании работы как слушателям, так и выпускникам Курсов. При этом было решено при направлении на работу учитывать не только степень нуждаемости, но и способность данного лица в этой области и одновременно просить учреждения, куда направлялись курсисты, давать отзывы о работе лиц, направляемых Бюро. При направлении на работу учитывалась академическая задолженность, ставился срок для ее ликвидации, а в случае невыполнения этого условия Бюро снимало с себя ответственность заданное лицо, сообщая об этом по месту службы. Всего за первый год деятельности в Бюро поступило 141 заявление о подыскании места службы, направлено было 184 человека, в том числе 64 — на постоянную работу⁵⁶. В начале 1930-х гг. безработица уходила в прошлое, и уже в октябре 1931г. Бюро констатировало, что «больше безработных слушателей нет», т. е. слушателей, ищущих работу, а в конце 1932 г. отмечалось, что приходится «искать не работу, а рабочие руки для выполнения заявок, поступавших от библиотек»⁵⁷. Просьбы о подыскании работы продолжали поступать в Бюро, но они обуславливались, главным образом, желанием сменить место службы, получить работу, отвечающую чаяниям просителя.

В деятельности Бюро на первое место стали выдвигаться вопросы организации учебного процесса, оказания помощи слушателям в учебе и т. п. В апреле 1930 г. началась запись в бригады для подготовки к зачетам, в течение 1930/31 учебного года действовало 5 таких бригад. Различные формы использовались и в работе по повышению квалификации выпускников Курсов (доклады, беседы, диспуты по актуальным вопросам библиотечного дела, ознакомления с библиотеками, возглавлявшимися выпускниками и т. д.). Все большее беспокойство слушателей и выпускников вызывала неопределенность статуса Высших курсов библиотековедения и окончивших их. Уже вскоре после создания Бюро связи выпускники на своем собрании предложили ему выяснить целесообразность перехода Курсов из ведения Публичной библиотеки в подчинение Главпрофобру Наркомпроса⁵⁸, а в наказе общего собрания 15 ноября 1931 г. предлагалось Бюро принять участие в организации библиотечного вуза на базе Высших курсов библиотековедения⁵⁹.

Активно обсуждались на заседаниях Бюро и на собраниях выпускников и слушателей вопросы организации учебного процесса, построение учебного плана, методов преподавания и т. д. Так, детально обсуждался вопрос сохранения в учебном плане дипломных работ. Бюро связи поддержало ходатайства собраний разных выпусков об отмене дипломных работ и замены их отчетом о библиотечном стаже⁶⁰. Вносились предложения о включении в учебный план новых дисциплин (комплектование, работа с книгой и др.), о ликвидации зачетных сессий и замене их зачетами по результатам работы в течение учебного года, о введении специализации обучения по областям библиотечной работы и по типам библиотек и т. д.

Вообще, проблемы организации преподавания и учебного плана всегда стояли остро в жизни Курсов. При организации Курсы мыслились как одногодичные, и уже в 1920 г. здесь функционировали два семестра. После окончания второго семестра многие слушатели выразили желание продолжить обучение, и вскоре Курсы стали двухгодичными. В конце 1920-х гг. неоднократно ставился вопрос о введении 3-го курса. На заседании совета Высших курсов библиотековедения 7 декабря 1929 г. некоторые члены его (А. И. Малейн и др.) подчеркивали, что с учетом трехгодичного обучения во многих вузах следует и Курсам перейти на этот срок обучения. В. Э. Банк, ссылаясь на пример Института библиотековедения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, начавшего организацию 3-го, специализированного курса, также считал возможным начать запись слушателей на 3-й курс, полагая при этом, что он не должен считаться обязательным и включать только желающих выпускников, при этом «давность окончания роли не играет»⁶¹. Выполнить эти намерения не удалось, и лишь с 1934 г. был введен пятый «специальный» семестр, и, таким образом, с этого времени срок обучения составлял два с половиной года. В момент создания Курсов составление программы преподавания было поручено А. Р. Войнич-Сякоженцкому и И. П. Мурзину. Такую программу на первый семестр представил Войнич-Сякоженцкий в августе 1919 г., и она была принята советом⁶². Конечно, эта программа и последовавшие дополнения ее содержали немало случайного, субъективного, определяемого не устоявшимся еще составом преподавателей, их интересами, нередко мало

соответствующими профилю Курсов (например, включение в план литовской и польской литературы). С формированием второго семестра план пополнился новыми дисциплинами, а с переходом на двухлетнее обучение становилось возможным сделать программу преподавания цельной, включающий комплекс основных групп дисциплин, отражающих библиотечное дело. Совет Курсов объединил преподаваемые предметы по 4 группам (циклам): 1) общее библиотековедение; 2) практическое библиотековедение; 3) библиография; 4) книговедение, отведя на них в 1922/23 учебном году на 1-м курсе 246 часов, на 2-м — 252 часа.

С 1924/25 учебного года стали составляться учебные планы, и с этого года учебный план Высших курсов библиотековедения, как и план Института библиотековедения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, утверждались Библиотечной комиссией Научно-политической секции Государственного ученого совета (позднее Главнауки Наркомпроса). При рассмотрении учебных планов на 1925/26 учебный год Комиссия поручила В. Э. Банку и Л. Б. Хавкиной организовать разработку и представить на утверждение «общий для обоих высших библиотечных школ учебный план и программы с индивидуальными отклонениями»⁶³. Для этого на Курсах создали комиссию (В. Э. Банк, Б. П. Гушин, Е. Н. Добржинский, А. Г. Фомин), подготовленный ею проект, рассчитанный на двухлетний срок обучения, предусматривал увеличение учебного времени на библиотечные дисциплины. План основывался на признании того, что поступающие на Курсы знакомы с немецким и французским языками и потому включал лишь преподавание английского языка и латыни. В учебный план включался также и библиотечный стаж, положение о котором уже действовало на Курсах⁶⁴.

Весной 1927 г. типовой план обсуждался на заседании Библиотечной комиссии. Специально выделенной комиссии (В. Э. Банк, Г. К. Дерман, Л. Б. Хавкина) поручалось согласовать проекты Высших курсов библиотековедения и Института библиотековедения. Наиболее существенные расхождения заключались в том, что по проекту Института 1-й курс должен давать более или менее законченный цикл библиотечных дисциплин, поскольку многие слушатели ограничивают учебу только этим первым курсом. В проекте обществоведению отводилось 80 ч. учебного времени, а в проекте Курсов — 180 ч. Обсуждался и вопрос о 3-м курсе, который должен был посвящаться углубленному изучению отдельных дисциплин (специализации), но в итоге было признано дополнительно изучить этот вопрос⁶⁵. В дальнейшем работы над типовым учебным планом не проводилось.

Эволюция учебного плана и учебного процесса Курсов претерпевала заметные перемены. Среди наиболее существенных необходимо отметить следующие.

В первый период на Курсах преподавалась конституция РСФСР, а с 1921 г. введено преподавание одной обществоведческой дисциплины — политический и социальный строй РСФСР. Но уже в 1923/24 учебном году становится очевидной задача более широкой политической подготовки слушателей. В первом номере журнала «Красный библиотекарь» говорилось о необходимости «поставить вопрос о политической переподготовке библиотекарей»⁶⁶. Важное место эта проблема заняла и на состоявшейся в 1924 г. I Всероссийской конференции научных библиотек. Отвечая на возникавшие упреки, директор Курсов В. Э. Банк в своем выступлении указывал, что «совет Курсов признает огромную необходимость политической подготовки будущих научных библиотекарей. Только широкое политическое образование на основе марксизма и ленинизма даст библиотекам нужный им сейчас кадр работников, поэтому мы все больше и больше места уделяем на наших Курсах политическим и политпросветительным предметам»⁶⁷. Так начал складываться в учебных планах цикл общественно-политических дисциплин. После ряда обсуждений совет остановился в 1924 г. на включении в план «на первое время» следующих предметов: 1) политический и социальный строй СССР; 2) история классовой борьбы в конце XIX — начале XX в. в связи с историей ВКП(б); 3) исторический материализм⁶⁸. В дальнейшем этот перечень изменяли, увеличивался и объем часов на эти предметы. Учебный план 1926/27 учебного года отводил им на 1-м курсе 104 ч. и на 2-м — 80 ч., в этих рамках обществоведение преподавалось и далее. Но уже в плане на 1932/33 учебный год общественным дисциплинам отводилось 370 ч.⁶⁹

Другое важное изменение в учебных планах Высших курсов библиотековедения связано с преподаванием иностранных языков. В первые годы исходили из того, что поступающие владеют двумя языками (немецким и французским), и на Курсах преподавался лишь латинский язык. В конце 1922 г. был введен английский язык, не изучавшийся в средней школе, в ноябре 1923 г. в качестве

факультативного признается и славянский (польский). Однако в стране к этому времени положение существенно изменилось, число выпускников гимназий среди поступающих на Курсы резко сократилось, а в советской средней школе преподавался лишь один иностранный язык. Поэтому уже в 1924 г. пришлось ввести преподавание на Курсах немецкого и французского языков, причем совет и дирекция Курсов считали необходимым подготовку по трем западным языкам и латыни. Этот вопрос вызывал острые дискуссии как среди преподавателей, так в Библиотечной комиссии ГУСа. Некоторые члены этой комиссии полагали, что подготовить слушателей по нескольким языкам нельзя, а «изучать латинский язык настолько, чтобы можно было разбираться в титульном листе средневековой книги невозможно» (Д. Н. Егоров, Л. В. Трофимов, Н. Ф. Яницкий). Другие считали преподавание нескольких языков необходимым, чтобы уметь книгу описать, разобраться в тексте названия (А. Г. Фомин); Г. К. Дерман полагала при этом, что изучение латыни должно быть факультативным. В. Э. Банк отстаивал позицию Курсов и на заседании правления Курсов 19 ноября 1926 г. вновь подчеркивал необходимость элементарного знания трех западных языков и латыни⁷⁰.

Учебный план на 1926/27 учебный год отводил преподаванию иностранных языков 100 ч., план следующего года — 130 ч., а план 1929/30 учебного года снизился до 100 ч. В это время латынь уже не преподавалась. Учебный план на 1935/36 учебный год включал 160 ч., причем речь шла уже об одном иностранном языке.

Постепенно в учебном плане формировался и цикл общеобразовательных дисциплин. В учебный план с начала 1930-х гг. включались такие предметы, как история Древнего мира, история СССР, история русской, советской, западноевропейской литературы, энциклопедия технических знаний и др. Временами на этот цикл отводилось достаточно большое число часов (в плане на 1932/33 учебный год — более 500 ч.). Особо острые дискуссии вызывал курс энциклопедии технических знаний, занимавший ведущее место в ряду общеобразовательных предметов. Включение его в учебный план было обусловлено как общим увлечением техникой в эти годы, так и ростом числа отраслевых технических библиотек. В. Э. Банк считал неправильной установку на подготовку специалистов для технических библиотек, поскольку Курсы призваны были готовить преимущественно работников научных библиотек универсального типа, и потому предлагал сократить объем этого курса. Г. Г. Фирсов полагал, что этот предмет должен быть вовсе исключен из учебного плана⁷¹. В результате обсуждений в учебном плане 1934/35 учебного года число часов на энциклопедию технических знаний было существенно урезано.

Важным элементом учебного плана Высших курсов библиотековедения в 1920-е гг. становится библиотечный стаж. В первые годы при приеме слушателей ориентировались на работников библиотек, прежде всего научных. И тем не менее, в составе слушателей всегда была известная, а с годами все возрастающая, доля лиц, не работающих и ранее не работавших в библиотеках. Поэтому все острее ставился вопрос о прохождении библиотечного стажа, т. е. приобретении знания практической деятельности библиотек и получении навыков библиотечной работы, чего не могли дать в нужном объеме только практические занятия на Курсах и проводившиеся экскурсии по библиотекам.

В октябре 1923 г. совет Курсов признал прохождение библиотечного стажа для слушателей, «таковым стажем не обладающих, совершенно необходимым»⁷². А вскоре наличие стажа было признано обязательным для получения свидетельства об окончании Курсов. Слушатели могли проходить стаж как в научных, так и массовых библиотеках при обучении на втором семестре, т. е. уже после усвоения теоретических дисциплин по библиотечной технике. Продолжительность стажа устанавливались в три месяца при условии ежедневной работы в течение полного рабочего дня, а в отдельных случаях разрешалось проходить стаж в течение шести месяцев при работе три раза в неделю. После прохождения стажа слушатели обязывались представить отчет с всесторонним разбором порядков и правил в библиотеке прохождения стажа. Такие же отчеты должны были представлять и слушатели, имевшие стаж до поступления на Курсы⁷³.

Принятое в 1926 г. положение о стаже установило для всех слушателей стаж в 300 ч., из них 250 ч. в научных библиотеках и 50 ч. — в массовых, а работникам массовых библиотек — лишь стаж в научных библиотеках, в основном в Публичной библиотеке⁷⁴. Отчеты о стаже заслушивались на заседаниях совета или предметных комиссий.

В 1920-е гг. в советской средней и высшей школе развернулась кампания по внедрению

разнообразных активных методов преподавания (Дальтон-план, лабораторный метод и т. п.), сопровождавшаяся вытеснением традиционного лекционного метода, отказом от принятых форм учета и оценки успеваемости (экзаменов и зачетов). «Левацкие устремления» этих годов по внедрению «новых методов преподавания» не обошли и учебной жизни Высших курсов библиотековедения. Вначале совет Курсов предложил преподавателям «по возможности придать своим занятиям характер семинариев», хотя и до этого некоторые обязательные семинарии входили в учебный план. Этой проблеме было посвящено несколько заседаний совета, который решил: «Метод занятий по каждому предмету представляется выбору лектора этого предмета. Преподавание может носить чисто лекционный характер, или, наоборот, исключительно характер семинарных занятий, или, наконец, комбинированный метод, т. е. проведение семинарных занятий как дополнение к теоретическому курсу», при этом члены совета последний метод признавали как «особо рекомендуемый»⁷⁵.

Внедрение новых методов все больше углублялось, и руководящие органы пропагандировали так называемый лабораторный метод, еще более вытеснявший лекционное преподавание, менявший характер семинариев и делавший работу учащихся основным элементом процесса преподавания. На Курсах проводились опросы преподавателей относительно этого метода, и большинство давало ему в общем положительную оценку (Л. К. Ильинский, П. К. Симони, А. Г. Фомин, С. А. Щеглова), делая при этом определенные оговорки. Так, Л. К. Ильинский высказывался за «лабораторно-лекционный метод», а А. Г. Фомин считал применение лабораторного метода «вполне полезным, но трудно осуществимым ввиду отсутствия при Курсах музея книги и достаточного количества необходимых пособий, а также недостаточного числа руководителей». Представитель месткома Публичной библиотеки В. А. Беляев считал этот метод весьма сомнительным⁷⁶.

В. Э. Банк и на заседаниях правления Курсов, и в Библиотечной комиссии ГУСа указывал, что лабораторный метод в чистом виде внедрен быть не может по экономическим и техническим причинам. Тем не менее, Библиотечная комиссия рекомендовала его применение и высказала пожелание об устранении зачетных сессий с заменой их производством проверки знаний в течение всего учебного года⁷⁷. Ленинградский отдел профессионального образования в январе 1926 г. посоветовал «пересмотреть применяемые на Курсах методы преподавания в сторону усиления активной работы слушателей и возможному сокращению лекций и одновременно пересмотреть применяемые на Курсах системы формальных экзаменационных сессий»⁷⁸. Этот вопрос также неоднократно ставился таким образом и на собраниях слушателей и выпускников. Так, 24 апреля 1931 г. было принято предложение «перейти с нового учебного года на единый метод преподавания, ликвидировать зачет в конце учебного года»⁷⁹.

Что касается экзаменов и зачетов, то их в начале деятельности Курсов не проводили, знания проверялись на работавших коллоквиумах. 3 января 1921 г. советом признано необходимым предупредить слушателей о необходимости подвергнуться испытаниям для получения свидетельства об окончании Курсов⁸⁰. В феврале 1923 г. была образована специальная экзаменационная комиссия. Перечень дисциплин, по которым производились переводные и выпускные испытания, ежегодно утверждался советом, и число их постепенно выросло. Было введено также требование о представлении исследовательской (дипломной) работы, что вызывало в течение многих лет острые дискуссии среди слушателей и выпускников, неоднократно на своих собраниях требовавших их отмены. По их мнению, дипломные работы фактически не являлись исследовательскими, сводясь зачастую к защите отчета о библиотечном стаже⁸¹. В 1937 г. для слушателей приема 1935 г. представление квалификационных дипломных работ было отменено.

Вся учебная жизнь Курсов обеспечивалась сравнительно небольшим количеством приглашенных преподавателей. Заметные изменения произошли лишь в 1930-е гг. В 1921/22 учебном году лекторская группа составляла 23 человека, в 1926/27 — 30 человек, в 1928/29 — 32 человека. Но уже в 1933/34 учебном году преподавателей было 22 человека, а в 1937/38 — всего 17 человек. Более заметные изменения происходили в специализации преподавателей, что связано с изменениями в учебных планах. Если в первые годы лекторов общественно-политических и общеобразовательных предметов было 1—2 человека, то в 1926—1929 гг. их насчитывалось уже 8 из общего числа преподавателей в 30 человек, а в 1935/36 учебном году эта категория составляла уже половину педагогического состава (11 человек из 22).

С момента организации Курсов к преподаванию библиотековедческих дисциплин были привлечены известные специалисты библиотечного дела, руководители ведущих библиотек города. Приглашались к преподаванию академики И. А. Дьяконов и А. А. Шахматов, однако, они отказались по состоянию здоровья. Сложившийся таким образом коллектив составил ядро преподавателей, долгие годы работавших на Курсах и в значительной мере определявших их учебную жизнь. К концу 1920-х гг. по различным причинам большинство из них покинуло Курсы, в том числе и вследствие обвинений в идеологических ошибках. Со временем все большую роль в преподавании предметов библиотековедческого цикла стали играть ведущие сотрудники Публичной библиотеки, а также и молодые специалисты, окончившие в свое время Высшие курсы библиотековедения.

Библиотековедческие предметы в разные годы были представлены широким кругом специалистов. Среди них Ф. Г. Беренштам (библиотечный почерк, библиотечные здания и их оборудование, описание гравюр и карт), А. Р. Войнич-Сякоженцкий (введение в библиотековедение), Ю. Н. Данзас (история библиотек в России и за границей, описание инкунабулов и старопечатных книг), М. А. Гуковский (выставочная работа), В. С. Люблинский (экскурсионная работа), Я. А. Лукашевич (переплет книг, статистика и отчетность), Н. В. Пигулевская (выставочная работа), Я. В. Равлин (культпросветработа), Е. А. Лаппа-Старженецкая (библиотечное законодательство, история и организация библиотечного дела на Западе), Д. Д. Шамрай (история Публичной библиотеки, библиотек Академии наук СССР и УССР), Я. Х. Якобсон (комплектование), Ии. И. Яковкин (управление и строй научных библиотек). Преподавание Курсов каталогизации связано, прежде всего с именами Я. П. Гребенщикова (предметизация и предметный каталог), Б. П. Гущина (общий курс каталогизации, систематический каталог) и Е. Н. Добржинского (десятичная классификация, алфавитный каталог, бибтехника), каждый из которых проработал на Курсах более 10 лет. В последующие годы к ведению занятий по каталогизации были привлечены Б. Р. Зельцле, Г. Г. Фирсов, Б. Ю. Эйдельман, М. Э. Орловская и другие сотрудники Публичной библиотеки, большинство из которых в свое время окончили Высшие курсы библиотековедения (А. М. Галлер, З. М. Гладышева, Н. Н. Гурская, Н. С. Коноплева, Ц. А. Озерова и др.). Классификацию наук и библиотечную классификацию в 1934—1936 гг. вел профессор Ленинградского государственного университета И. М. Тройский.

Общие курсы библиографии многие годы вели В. Э. Банк (иностранный библиография), А. Г. Фомин (русская библиография), привлекший в качестве ассистентов А. Н. Никифорова, С. Г. Карпову. Справочно-библиографическую работу библиотек преподавали М. С. Виридарский, Ю. А. Меженко, Л. И. Олавская, Н. И. Полежаев. Практиковалось в некоторые годы ведение специальных курсов: библиография социальных наук (М. А. Сильвин, 1919—1920), библиография русского революционного движения (А. А. Шилов, А. Е. Плотников, 1921—1922), библиография судостроения (начальник НИИ судостроения Ю. А. Македон).

Различные курсы по книговедению читали Н. П. Лихачев (история книги, 1919/20 учебный год), В. В. Буш (1920/21 учебный год), А. И. Малеин (история книги, многие годы, начиная с 1920 г.). Историю русской книги второй половины XIX в. читал П. Н. Берков, книжную графику — Е. Г. Лисенков. Общий курс книговедения в 1930/31 учебный год был поручен Д. В. Константинову. Книговедческий цикл включал также историю русской журналистики, которую вели в 1919—1921 гг. С. А. Венгеров и А. Д. Александров, а в последующие годы Л. К. Ильинский. Историю книгоиздательского дела и книжной торговли более 10 лет читал член-корреспондент Академии наук П. К. Симони, очень дороживший преподаванием на Курсах и считавший себя пионером в этой области. К ведению книговедческих предметов привлекались также Л. В. Булгакова, И. Д. Галактионов, Г. А. Дюперрон, А. К. Шульц и др.

В 1920-е гг. на Курсах преподавалась палеография, ее вели член - корреспондент АН В. В. Майков и С. А. Щеглова.

Одной из первых дисциплин общественно-политического цикла был курс советской конституции, который читал в 1919 - 1921 гг. профессор университета Е. А. Энгель. В 1925-1931 гг. курс политического и государственного устройства СССР вел доцент университета Е. И. Носов. Количество дисциплин этого цикла во второй половине 1920-х гг. существенно возросло, и они постоянно менялись. Преподавателей этих дисциплин постоянно не хватало, многие из них читали лекции в нескольких учебных заведениях, и их распределением занимались партийные органы, куда приходилось обращаться и Высшим курсам библиотековедения. Частая смена преподавателей была связана и с

обвинениями некоторых из них в идеологических ошибках; в числе их оказалась и директор Курсов, преподававшая диалектический материализм А. М. Волкова. Среди преподавателей обществоведения преобладали ученые вузов города (Университета, Военно-политической академии, Финансового института и др.). Экономическую политику и политэкономия вели В. Т. Белобородов, Р. Г. Крузе, В. Д. Слепухин, Л. А. Шифман, историю классово-борьбы — М. А. Буковецкая, М. С. Годес, С. Г. Лозинский, ленинизм и историю ВКП(б) П. А. Буханов, И. И. Кудрявцев, Н. Н. Леман, диалектический и исторический материализм — А. Г. Айзенберг, И. А. Боричевский, Н. Н. Бронштейн, Я. В. Старосельский. Все возрастающее число преподавателей составляли сотрудники Публичной библиотеки (А. М. Волкова, М. М. Добраницкий, К. С. Жарновецкий, П. Г. Заостровцев, Н. П. Поспелов, М. Е. Рыпинская).

Преподавание общеобразовательных дисциплин обеспечивалось как сотрудниками вузов города, так и работниками Публичной библиотеки. история древнего мира (Е. А. Озерецкая), история СССР (Е. Г. Шуляковский), история русской, советской и западноевропейской литературы (П. Н. Берков, Ц. С. Вольпе, А. Х. Вольпер, Г. Е. Горбачев, Е. Р. Малкина, Г. В. Рубцова, Т. К. Ухмылова), энциклопедия технических знаний (К. И. Барашков, Д. Г. Гофман, Е. Л. Михельсон), научная организация труда (К. И. Страхович).

Преподавание иностранных языков в основном обеспечивалось вузовскими преподавателями (Ленинградский электротехнический институт, Военно-техническая академия, Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, Университет). Обучение немецкому языку вели известные ученые в области народного эпоса профессора В. Я. Пропп, Ш. Р. Штейман и др., французскому языку — М. Э. Иоф, А. М. Хлопов-ская-Быкова, английскому — М. А. Беркутова, М. Д. Волкова, В. А. Тихомирова, Б. И. Шкловская. Из сотрудников Публичной библиотеки следует назвать В. Г. Геймана, преподававшего немецкий язык, М. С. Платонову, в течение 10 лет вплоть до высылки с отцом из Ленинграда преподававшую английский язык, библиографа Т. П. Соколову, издавшую в 1941 г. совместно с В. Ф. Сахаровым «Англо-русский словарь библиотечных терминов».

При учреждении Высших курсов библиотковедения при них предполагалась организация краткосрочных семинариев и курсов для библиотекарей, и в 1923 г. намечалось открытие таких курсов, главным образом, для работников Публичной библиотеки, программа которых была подготовлена Я. П. Гребенщиковым. Однако как это, так и другие намерения не были реализованы. Лишь в 1929 г. удалось осуществить семинар по предметному каталогу, который окончили 20 человек. В конце 1931 г. начали работу одногодичные курсы повышения квалификации работников научных библиотек по их командировкам и за их счет. Поступили заявки от Публичной библиотеки, Эрмитажа, Сельскохозяйственной академии, Геологоразведочного института и других учреждений. Учебный план этих курсов был рассчитан на 740 часов, в том числе на общественно-политические дисциплины 220, на общеобразовательные — 260, а на специальные 260 часов. Малый удельный вес специальных дисциплин негативно сказался на притоке желающих обучаться на этих курсах и стал одной из причин высокого отсева слушателей. В 1932 г. годичные курсы окончили 18 человек, в 1934 г. - 13. С 1932 г. функционировали также трехмесячные курсы, в 1935 г. их окончили 13 человек, в 1934/35 учебном году существовал семинарий по справочно-библиографической работе, выпустивший 12 человек.

К середине 1930-х гг. Публичная библиотека остро ощущала все слабеющую роль Курсов в подготовке необходимых для нее кадров. При постоянно сокращавшихся выпусках курсантов уменьшилось и число оставшихся на работе в Библиотеке. Например, в 1938 г. из 20 окончивших Курсы в Библиотеке стали работать только 2 человека. Конечно, кадровые трудности Публичной библиотеки порождались и многими другими причинами: невысокий престиж библиотечной профессии среди молодежи, резкий рост числа библиотек как научных, так и массовых, низкий уровень зарплаты сотрудников Библиотеки по сравнению с другими, особенно специальными библиотеками и др. Так, Комиссия рабоче-крестьянской инспекции, обследовавшая работу Библиотеки, констатировала, что оклады ее работников значительно ниже установленных в других библиотеках Наркомпроса (Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, библиотек Эрмитажа, Ленинградского университета и др.), в библиотеках академических учреждений и особенно промышленных ведомств⁸³. Администрация Публичной библиотеки предпринимала различные меры для привлечения выпускников Курсов. В частности, приказом директора от 26 сентября 1934 г. устанавливалось, что сотрудники

Библиотеки, обучающиеся на Высших курсах библиотековедения, «при условии подписания специального обязательства о самозакреплении на службе в Библиотеке на срок не менее 3 лет по прослушании Второго курса» пользуются льготами (пятичасовой рабочий день, дополнительный 10-дневный отпуск на время зачетных сессий)⁸⁴. Такие обязательства подписали Т. С. Григорьянц, Х. М. Финкель и др.

Это, естественно, не решало проблемы подготовки и повышения квалификации кадров Библиотеки. И уже в сентябре 1934 г. непосредственно в рамках Публичной библиотеки организуются трехмесячные курсы «в целях повышения квалификации сотрудников Библиотеки, не имеющих специальной библиотечной подготовки»⁸⁵. Состав курсовой сети Библиотеки продолжал расширяться, и это ускорило процесс постепенной ликвидации Курсов. В 1937 г. в Библиотеке функционировали шестимесячные курсы, курсы техминимума для вновь зачисленных, семинарии по русской библиографии, систематическому каталогу, славянской палеографии, кружки по иностранным языкам, и эта сеть охватила более 200 сотрудников.

Поскольку приема на Высшие курсы библиотековедения в 1936 и 1937 гг. не проводилось, и продолжали функционировать лишь старшие семестры, директор Публичной библиотеки А. Х. Вольпер в письме в Наркомпрос констатировал, что «с окончанием занятий в декабре 1937 г. заканчивают свое существование и Курсы»⁸⁶. 13 апреля 1939 г. приказом директора Библиотеки вся существовавшая сеть подготовки и повышения квалификации сотрудников была передана в ведение отдела кадров, в том числе и Высшие курсы библиотековедения, и на 1939/40 учебный год сложившаяся курсовая сеть включала годовые, четырехмесячные, месячные курсы, курсы по подготовке к поступлению в Московский библиотечный институт, ряд семинариев и 18 слушателей последнего семестра самих Курсов. Сюда же можно отнести и консультационный пункт Московского библиотечного института при Публичной библиотеке, организованный в 1938 г. и насчитывавший 7 заочников и 17 экстернов. Создание курсовой сети непосредственно в самой Библиотеке не является единственной и главной причиной ликвидации Высших курсов библиотековедения. Важнейшим неблагоприятным фактором с самого начала стала неопределенность правового статуса Курсов. Неоднократные ходатайства руководства Библиотеки и Курсов о преобразовании их в высшее учебное заведение оказались тщетными. В отчете Библиотеки за 1931 г. отмечалось, что «постановка работы Высших курсов библиотековедения не может быть признана нормальной. Полное отсутствие правовой, а главное, материальной базы, ...платность обучения, ...отсутствие стипендий, отсутствие должной условной целевой установки — все это не может не отразиться неблагоприятно на работе Курсов, на социальном составе учащихся»⁸⁷. Позицию Библиотеки поддерживали и партийные органы. Например, в феврале 1933 г. комиссия Смольнинского райкома партии рекомендовала «поставить перед Наркомпросом вопрос о преобразовании Курсов в вуз». В 1931 г. был открыт Московский библиотечный институт с приемом в 50 человек. И руководители Публичной библиотеки, и Курсов неоднократно ходатайствовали о преобразовании Высших курсов библиотековедения в филиал этого института⁸⁹, но Наркомпрос считал это нецелесообразным ввиду намечавшегося открытия Библиотечного института в Ленинграде. С организацией в 1938 г. консультпункта Московского библиотечного института в Публичной библиотеке администрация Библиотеки призвала ее сотрудников, не имеющих высшего образования, включиться в учебу на заочном отделении или в экстернате этого института.

Известную роль в снижении престижа Курсов и постоянного свертывания их деятельности играло также увеличение различного рода учебных заведений в области библиотечного дела в Ленинграде. Наряду с Коммунистическим вузом политпросветработы им. Н. К. Крупской, библиотечное отделение которого готовило руководящих работников для системы массовых библиотек, в городе начали работать библиотечный техникум, различные курсы по подготовке и повышению квалификации для различных типов и видов библиотек, такие, например, как курсы Народного комиссариата тяжелой промышленности, курсы при Областном совете профсоюзов и т. д. Имело значение и существенное изменение состава преподавателей Высших курсов библиотековедения в конце 1920-х гг., когда многие видные деятели библиотечного дела и библиотечной науки покинули Курсы и на смену им пришли работники Публичной библиотеки, в основном молодежь, хотя и среди них были известные специалисты.

В целом оценивая роль Высших курсов библиотековедения, следует признать, что они сыграли

значительную роль в развитии библиотечного дела. Главная их заслуга состоит в том, что в период роста числа библиотечных учреждений они подготовили большой отряд работников.

Относительно общего количества выпускников Курсов за годы их существования источники приводят разные данные. Так, в справке о выпусках за 1919—1932 гг. называется цифра 435 человек, работавших после окончания Курсов в различных библиотеках (в Публичной библиотеке — 72, в Библиотеке Академии наук — 17, библиотеках научно-исследовательских институтов — 40, втузов — 40, вузов — 30, массовых библиотеках — 23 человека)⁹⁰. В другом документе, приводившем данные за 16 выпусков (до 1938 г.), дается цифра 512 человек, кроме окончивших различные краткосрочные курсы⁹¹. На научной конференции «Роль Публичной библиотеки в истории русской науки и культуры» (май 1945 г.) ее директор Е. Ф. Егоренкова, отмечая, что Библиотека явилась пионером в области подготовки библиотекарей для научных библиотек, сообщала, что Высшие курсы библиотековедения за годы своего существования выпустили около 400 человек, «дав научным библиотекам страны многих выдающихся библиотекарей, крупных организаторов библиотечного процесса»⁹². В специальной справке о Курсах (1947 г.) названа цифра 578 человек и отмечено, что лишь 72 человека из них остались на работе в Публичной библиотеке, а остальные ушли в Библиотеку Академии наук (17 человек), библиотеки научно-исследовательских институтов (126 человек), вузов (70 человек) и т. д.⁹³

Несмотря на эти расхождения, в целом можно считать, что основной курс (двухгодичный и рассчитанный на два с половиной года) окончили более 500 человек.

Многие выпускники Курсов долгие годы работали в Публичной библиотеке, стали ведущими специалистами в разных областях ее деятельности. Заведующими отделами стали В. Л. Беляева, В. А. Бриллиант, Т. А. Быкова, Е. В. Владимирова, О. Б. Враская, Е. П. Гребенщикова, Т. С. Григорьянц, Ц. А. Озерова, М. Э. Орловская, В. О. Петерсен, А. Д. Умикян, Б. Р. Зельцле и Г. Г. Фирсов. Оба последних затем были заместителями директора Библиотеки. Большинство из них до поступления на Курсы уже имело высшее образование, а В. А. Бриллиант окончил к этому времени Петербургский политехнический институт и Московский университет.

Немало выпускников было писателями, переводчиками, учеными. Так, Б. Я. Бухштаб и Г. Г. Фирсов, работавшие по окончании Курсов в Публичной библиотеке, стали впоследствии профессорами Ленинградского библиотечного института, а Б. Ю. Эйдельман — доцентом того же вуза, А. Г. Маньков был профессором университета и заведующим отделом Института истории АН СССР. Окончила Курсы Е. И. Васильева — известная поэтесса Черубина де Габриак, до революции окончившая Женский педагогический институт, вольнослушательница Петербургского университета, учившаяся и в Сорбонне. Этот список можно было бы продолжить.

Преподаватели Высших курсов библиотековедения внесли определенный вклад в развитие библиотековедения и библиографии, а подготовленные ими и изданные Курсами учебные пособия стали важным этапом формирования системы учебных руководств для библиотечных высших учебных заведений.

Опыт организации и методики подготовки кадров на Высших курсах библиотековедения привлекал внимание других центров страны, стремившихся организовать подготовку библиотекарей. В феврале 1926 г. Украинский научный институт книговедения, приступая к организации курсов на принципе самокупаемости, сообщил, что он стремится ознакомиться с практикой работы Курсов, и просил прислать материал по их организации, структуре и штатам, положения о Курсах, учебные планы и т. п.⁹⁴ С аналогичными просьбами обращались научно-методический комитет Наркомпроса Белоруссии, Публичная библиотека Армянской ССР, Одесская публичная библиотека⁹⁵. Библиотечная комиссия ГУСа СССР 10 марта 1926 г. предложила Высшим курсам библиотековедения направить ей учебные планы и программы «для использования их в качестве материалов при обсуждении Библиотечной комиссией ГУСа вопросе о типовых программах и учебных планов библиотечный школ, курсов и т. п.»⁹⁶.

Примечания и комментарии

¹ Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу. СПб., 1912. С. 15—24, 196.

² ОР РНБ. Ф. 533, ед. хр. 20. Л. 21.

³ С закрытием университета Шаняевского после Октябрьской революции эти курсы функционировали как самостоятельный Кабинет библиотековедения, а с осени 1922 г. вошли в состав Библиотеки Государственного Румянцевского музея. Затем были преобразованы в Институт библиотековедения Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Важную роль в деятельности курсов на всех его этапах играла Л. Б. Хавкина. Об этом см.: Григорьев Ю. В. Л. Б. Хавкина (1871—1949). М., 1978; Хавкина Л. Б. Кабинет библиотековедения // Крас, библиотекарь. 1923. № 1. С. 81—82; Библ. обозрение. Л., 1925. Кн. 1. С. 151-155.

⁴ ОР РНБ. Ф. 533, ед. хр. 17. Л. 80, 404.

⁵ Там же. Л. 471.

⁶ Там же. Л. 472.

⁷ О АД РНБ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 1. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 4.

¹⁰ Библ. обозрение. Л., 1925. Кн. 2. С. 12.

¹¹ ОАД РНБ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 72. Л. 4—6 об.

¹² Там же. Ед. хр. 88. Л. 42.

¹³ Там же. Ед. хр. 16. Л. 1, 3.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 533, ед. хр. 16. Л. 40; ед. хр. 17. Л. 173.

¹⁵ О АД РНБ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 98. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 26. Л. 6.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 1133, ед. хр. 4. Л. 1 об.

¹⁸ ОАД РНБ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 46. Л. 11.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 139. Л. 5.

²⁰ Там же. Ед. хр. 96. Л. 2—3; ед. хр. 182. Л. 56.

²¹ Там же. Ед. хр. 180. Л. 36.

²² ОР РНБ. Ф. 44, ед. хр. 16. Л. 3.

²³ Там же. Л. 95.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, ед. хр. 250. Л. 76 об.

²⁵ ОАД РНБ. Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3. Л. 58.

²⁶ Там же. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 146. Л. 12.

²⁷ Там же. Ед. хр. 180. Л. 7.

²⁸ Там же. Ед. хр. 26. Л. 10 об.

²⁹ Там же. Ед. хр. 180. Л. 3.

³⁰ Там же. Ед. хр. 63. Л. 5.

³¹ Там же. Ед. хр. 97. Л. 1 об.

³² Там же. Ед. хр. 147. Л. 9—10.

³³ Там же. Ед. хр. 215. Л. 26; ед. хр. 271. Л. 1.

³⁴ Банк В. Э. Добржинский и Высшие курсы библиотековедения // Библ. обозрение. Л., 1926. Кн. 1/2. С. 42.

³⁵ ОАД РНБ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 50. Л. 5.

³⁶ Там же. Ед. хр. 45. Л. 7—8 об.

³⁷ Там же. Ед. хр. 64. Л. 1—1 об.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, ед. хр. 893. Л. 92.

⁴⁰ ОАД РНБ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 401. Л. 4.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 68. Л. 1.

⁴² Там же. Ед. хр. 146. Л. 18 об.

⁴³ Там же. Ед. хр. 272. Л. 7—8.

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 192. Л. 1а.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 208. Л. 28.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 147. Л. 10—10 об.

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 330. Л. 3; ед. хр. 331. Л. 1.

- 48 Там же. Ед. хр. 68. Л. 1; ед. хр. 106. Л. 29; ед. хр. 182. Л. 35; ед. хр. 272. Л. 7.
- 49 Там же. Ед. хр. 147. Л. 33 об.
- 50 Там же. Ед. хр. 304. Л. 6.
- 51 Там же. Ед. хр. 49. Л. 3; ед. хр. 97. Л. 8.
- 52 Там же. Ед. хр. 68. Л. 3 об.; ед. хр. 147. Л. 33.
- 53 Там же. Ед. хр. 49. Л. 3; ед. хр. 147. Л. 33 об.; ед. хр. 437. Л. 24.
- 54 Там же. Ед. хр. 220. Л. 1—2, 19.
- 55 Там же. Л. 3.
- 56 Там же. Л. 19.
- 57 Там же. Ед. хр. 327. Л. 16.
- 58 Там же. Ед. хр. 220. Л. 4.
- 59 Там же. Ед. хр. 305. Л. 13, 20.
- 60 Там же. Ед. хр. 268. Л. 6 об., 9, 26.
- 61 Там же. Ед. хр. 431. Л. 9.
- 62 Там же. Ед. хр. 1. Л. 18 об.
- 63 Там же. Ед. хр. 389. Л. 3.
- 64 Там же. Ед. хр. 196. Л. 7—7 об.
- 65 Там же. Ед. хр. 146. Л. 10.
- 66 Крас, библиотекарь. 1923. № 1. С. 9.
- 67 Труды Первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926. С. 44.
- 68 ОАД РНБ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 50. Л. 8—9.
- 69 Там же. Ед. хр. 328. Л. 4.
- 70 Там же. Ед. хр. 97. Л. 11—11 об.
- 71 Там же. Ед. хр. 368. Л. 4; ед. хр. 371. Л. 2.
- 72 Там же. Ед. хр. 26. Л. 11 об.
- 73 Там же. Л. 12—12 об.
- 74 Там же. Ед. хр. 96. Л. 8.
- 75 Там же. Ед. хр. 45. Л. 11 об.—12.
- 76 Там же. Ед. хр. 73. Л. 1—10.
- 77 Там же. Ед. хр. 63. Л. 11 об.; ед. хр. 9.
- 78 Там же. Ед. хр. 139. Л. 5.
- 79 Там же. Ед. хр. 305. Л. 13.
- 80 Там же. Ед. хр. 15. Л. 1—1 об.
- 81 Там же. Ед. хр. 268. Л. 6, 9; ед. хр. 271. Л.
- 82 Там же. Ед. хр. 328. Л. 19.
- 83 ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, ед. хр. 894. Л. 4
- 84 ОАД РНБ. Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 28. Л. 108.
- 85 Там же. Л. 110.
- 86 Там же. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 431. Л. 27.
- 87 Там же. Ф. 12, ед. хр. 568. Л. 8.
- 88 Там же. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 810. Л. 16.
- 89 Там же. Ед. хр. 368. Л. 2; ед. хр. 370. Л. 2.
- 90 Там же. Ед. хр. 371. Л. 18 об.
- 91 Там же. Ед. хр. 431. Л. 9.
- 92 Там же. Ф. 12, ед. хр. 510. Л. 62.
- 93 Там же. Ед. хр. 771. Л. 1.
- 94 Там же. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 139. Л. 6.
- 93 Там же. Л. 7, 19.
- 96 Там же. Л. 10.